

Тост с сыром и яйцом на гриле

Солнце клонилось к закату, окутывая Сытую Обитель Бессмертных теплым и ленивым оранжево-красным сиянием. Старый мотоцикл, чья краска облупилась настолько, что сквозь неё проступала рыжая ржавчина, натужно тарахтя и пошатываясь, въехал во двор гостевого дома.

Даосский наставник Сюаньчжоу слез с седла, выглядя в крайней степени изнуренным.

— Ох, Великий Изначальный... — пробормотал он, и в его голосе слышалась непередаваемая обида.

Вчера он, скрепя сердце, выложил кругленькую сумму за месяц проживания в отдельном номере, надеясь, что теперь-то уж точно сможет ежедневно приобщаться к божественной стряпне Хозяина Аня, помогающей в духовном поиске. Кто же мог знать, что сегодня спозаранку ему позвонит оставшийся на хозяйстве юный послушник и, едва не плача, сообщит о внезапной пожарной проверке?

Результат был предсказуем. Обветшалый Храм Семи Святых Матушек давно требовал ремонта — даже углы крыши протекали, не говоря уже о противопожарной безопасности. Стрелки манометров на нескольких старых огнетушителях замерли в красной зоне, указывая на отсутствие давления, а противопожарное полотно и вовсе покрылось плесенью. Стоило его встряхнуть, как в воздух поднималось облако зеленоватой пыли. Проверка выписала «красную карточку» и велела устранить нарушения в кратчайший срок.

Даосу пришлось сломя голову нестись обратно: поднимать связи, натягивать на лицо заискивающую улыбку, писать гарантийные письма и мотаться по строительным рынкам. Пока он уладил все дела, солнце уже почти скрылось за горизонтом.

Но самым обидным было другое — за весь день во рту у него не было ни маковой росинки. Его заветная мечта об обеде от Ань Сыняня лопнула как мыльный пузырь!

«Убытки! Чистейшей воды грабеж! Будто кусок души вырвали!»

Запирая мотоцикл, Ли Баоэр чувствовал почти физическую боль во всех внутренних органах сразу.

С этими мрачными мыслями он вошел в дом. Но не успел старик дойти до обеденного зала, как в ноздри ударил невероятный, густой аромат. Раздражение улетучилось в то же мгновение.

Это был запах столь глубокий, что он, казалось, заставлял содрогаться самую душу.

Концентрированная эссенция моря, вобравшая в себя сладость элитного морского ушка, томившегося на медленном огне, ароматы старой курицы, цзиньхуаской ветчины и сушеных гребешков. Сложный, многослойный вкус, рожденный долгими часами томления, казался почти осязаемым.

Глаза Сюаньчжоу вспыхнули.

«Морское ушко!»

Этот запах он узнал бы из тысячи: деликатес высшего качества, доведенный до идеальной кондиции. Ли Баоэр сглотнул слюну, решив про себя, что съест сегодня вдвое больше, чтобы компенсировать пропущенный обед.

Сделав глубокий вдох, он постарался стереть с лица голодную гримасу и придать себе вид достойного мужа, стоящего выше мирской суеты. Но ноги сами несли его в зал — он почти парил над полом от предвкушения.

В столовой, под мягким желтым светом ламп, Хозяин Ань как раз выносил из кухни керамический горшочек. В нем, окутанные густым блестящим соусом, лежали морские ушки «двухголового» размера, источая поистине роковой соблазн.

Еда пахла божественно, но атмосфера за столом казалась несколько натянутой.

Ядовитый тип, собиравшийся прожить здесь год, куда-то исчез. На его привычном месте лениво развалился кот, будто охраняя территорию для хозяина. Ли Баоэр не стал расспрашивать о причинах его отсутствия — не до того было.

Мать и дочь всё еще были здесь, но вели себя странно: ни разговоров, ни зрительного контакта. Они сидели молча, погруженные в свои мысли. Мать изредка поднимала взгляд на дочь — в её глазах читалась сложная гамма чувств, но она тут же снова опускала голову. Девушка же весь вечер смотрела в свою тарелку, словно изучая узоры на фарфоре.

«Поругались, что ли? — мельком подумал Сюаньчжоу. — Какое мне, бедному даосу, до этого дело? У нас, людей вне мира, девиз один: покой и недеяние. Чем меньше забот, тем чище дух!»

По-настоящему его удивило другое: Лян Чэнь из лавки, простой подсобный рабочий, сидел за столом прямо в своем рабочем фартуке и преспокойно уплетал еду.

Ли Баоэр почувствовал укол жгучей зависти. Сколько стоит стряпня Ань Сыняня? Этот парень получает её почти даром! Даже ему, главе храма, стоящему на пороге преображения, приходится платить звонкой монетой за право сесть за этот стол. С какой стати обычному работнику такие привилегии?

Впрочем, наверняка это его брат, А Гуан, подсуетился. У этого проныры в голове не мозг, а счетная машина — ни одной выгоды не упустит.

«Вот же крохобор!» — ворчал про себя старик, не забывая при этом активно работать палочками.

В порыве праведного гнева он один за другим съел восемь морских ушек, а затем, смешав остатки соуса с рисом, опорожнил три миски. Только тогда он с чувством глубокого удовлетворения отложил приборы.

После еды его накрыло блаженное спокойствие. Он откинулся на спинку стула, словно после паломничества. Наставник ждал. Ждал того самого теплого потока, омывающего сознание. Ждал мгновения, когда он вновь коснется края великого Дао.

Однако... Прошла минута. Затем пять.

В области даньтяня царила мертвая тишина. Никакого просветления — даже тот слабый отголосок тепла, что он почувствовал в прошлый раз, исчез без следа. Казалось, эта трапеза была лишь прекрасным, но совершенно обыденным сном.

Сюаньчжоу нахмурился и, поглаживая живот, принялся тайком наблюдать за владельцем гостевого дома.

Свет мягко очерчивал безупречный профиль хозяина: высокая переносица, тонкие губы. Когда Ань Сынянь молчал, он казался сошедшим с древнего свитка мастером — чистым, отстраненным, не запятнанным мирской пылью.

Красив... И вправду, до обидного красив. Но какая польза от красоты? В юности Ли Баоэра тоже величали «Яшмовым даосом», и сколько девиц вздыхало по нему в храме? А толку? Он точно так же, как и его братья, десятилетиями бился над полуистлевшими текстами, не понимая, в какую сторону открываются врата Истины.

Кто же такой этот молодой человек? Совсем еще юнец, на вид едва за двадцать... Как его еда может помогать в самосовершенствовании?

«Или в прошлый раз это была случайность? Просто галлюцинация с голодухи? А «теплый поток» — всего лишь реакция согретого желудка?»

Эта мысль окатила его ледяной водой.

«Поспешил... Ох, не стоило оплачивать месяц сразу»

Ему почти виделось, как его и без того тощий кошелек беззвучно рыдает.

Молодой человек не догадывался о душевных терзаниях старика. Закончив ужин, он услышал короткое «мяу» Доучжира у лестницы. Кот выразительно посмотрел на него, затем на второй этаж.

Намек был понят. Ань Сынянь подхватил «кошачьего господина» на руки и понес наверх — пора было заняться гигиеническими процедурами.

Это был первый раз, когда владелец вошел в номер «Розмарин» с тех пор, как там поселился Янь Чжэнь. Доучжир тут же спрыгнул на пол и направился к своему лотку, а Сынянь позволил себе бегло осмотреть комнату.

Черный чемодан аккуратно стоял у кровати. Столешница была девственно чиста — ни единой лишней соринки. Постель заправлена ровнее, чем когда номер пустовал, а подушки лежали с математической симметрией. Для одинокого мужчины с котом такая самодисциплина граничила с одержимостью.

Но Сынянь не стал на этом заикливаться. Его внимание привлек едва уловимый аромат из ванной. Знакомый запах геля для душа — совсем не того, что предоставлялся гостям. Этот аромат он когда-то очень любил.

В те времена он только начинал свой путь в столице, живя в тренировочном лагере для стажеров. Организаторы выдавали им бесплатные банные наборы, и один из них — с древесным ароматом и нотками мяты — пришелся ему по душе. В общежитии, пропитанном запахом пота, дешевых дезодорантов, чужих амбиций и тревоги, этот гель был его единственным утешением.

Ему так понравился тот запах, что он даже пытался найти производителя. Оказалось, это была крошечная марка где-то на севере. Тиражи маленькие, прибыли почти никакой. После возвращения в Южный Китай он больше нигде не видел этого бренда — даже на огромных маркетплейсах его не было. Наверное, заводик давно обанкротился и закрылся.

Не удержавшись, он приоткрыл матовую стеклянную дверь.

Знакомый зеленый флакон стоял у ванны. Пестрая этикетка бренда «Прохладное лето», выполненная в стиле провинциального китча, всё так же резала глаз своей безвкусицей. Похоже, флакон только что открыли, он был почти полон.

Надо же... Офицеру Яню тоже нравится этот запах? Это было похоже на встречу с родственной душой в шумной толпе: люди разного происхождения и судеб внезапно совпали в такой крошечной, почти интимной детали.

Ань Сынянь почувствовал мимолетную радость, словно встретил старого друга.

Тем временем питомец закончил свои дела и, лизнув лапу, вальяжно запрыгнул на кровать. Молодой человек прибрал за ним и негромко произнес:

— Доброй ночи, господин Доучжир.

Черный кот повел ухом — видимо, это следовало считать ответом, — и растекся черной лужицей на подушке. В его серо-зеленых глазах отражался лунный свет. Он лежал, впитывая остатки запаха хозяина и терпеливо ожидая его возвращения.

Поддавшись порыву, Хозяин Ань сфотографировал кота и отправил снимок Янь Чжэню, решив подтвердить, что с питомцем всё в порядке. На фото Доучжир выглядел маленьким и беззащитным в лунном свете, и в этом сосредоточенном ожидании было что-то трогательное.

Ответ пришел почти мгновенно — голосовое сообщение.

Сынянь нажал на воспроизведение. Характерный хриплый голос Янь Чжэня зазвучал быстрее обычного, на фоне слышался шум ветра и гул мотора:

— Добрался до места. По плану — три дня, но я постараюсь вернуться домой как можно скорее.

«Домой?»

«Дом...»

Сынянь невольно сжал смартфон. Говорят, что слова, брошенные в спешке, лучше всего отражают истинные чувства. Значит, он уже считает усадьбу домом?

Понятно теперь, почему он держит комнату в такой безупречной чистоте. Только к родному гнезду относятся с такой заботой. Для существа с обостренным чувством территории это признание было дорогого стоит.

Сыняню стало немного странно, но в то же время на душе потеплело. Словно в заброшенном саду внезапно расцвел маленький, неожиданный цветок.

Он тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, и коротко ответил: «Угу».

На следующее утро

Ань Сынянь проснулся от лая Чэньпи. Голос пса звучал яростно и одновременно жалобно. Выйдя на террасу, он застал начало настоящего блокбастера: «Битва кота и пса против пчелы».

Бой был в самом разгаре. Рассерженная пчела, словно крошечный бомбардировщик, пикировала на Доучжира. Обычно невозмутимый кот совершенно потерял самообладание: он прыгал на метр вверх, выписывая в воздухе серию «безумных кошачьих ударов». Ветер от его лап свистел, но... когти рассекали лишь пустоту.

Чэньпи помогал как мог: скалился, лаял и щелкал зубами, пытаясь уstrasшить противника. Иногда он делал выпад, надеясь проглотить наглую летунью. Но пчела была виртуозом — делая лихие виражи, она зависала в паре сантиметров от их носов и вызывающе жужжала, будто смеясь над их неуклюжестью.

Доучжир, казалось, окончательно вышел из себя. Он метался из стороны в сторону, проявляя чудеса ловкости, совершенно не свойственные пожилому коту. Чэньпи пытался окружить врага, но из-за несогласованности действий они только мешали друг другу. В этой суматохе черный кот, не глядя, отвесил увесистую оплеуху псу...

— У-у-у? — Чэньпи обиженно замер, глядя на союзника. В его глазах читалось: «Хозяин, я же свой!»

Сынянь едва сдерживал смех, наблюдая за этим хаосом. Но битва не прекращалась.

«Ж-ж-ж-ж-ж!»

Жужжание усилилось — на подмогу прилетели еще две пчелы. Групповой пилотаж насекомых был безупречен. Одна пчела, словно опытный ас, кружила на сверхмалой высоте прямо перед мордами животных, отвлекая их. Другие же прицельно атаковали уязвимые места.

Одна пчела уселась Чэньпи прямо на нос. Бедный пес замотал головой так, что язык вылетел наружу, пытаясь стряхнуть «захватчика». Другая же принялась нагло донимать Доучжира в районе хвоста — это была запретная зона, и питомец начал бешено вращаться, пытаясь поймать обидчицу...

От такой скорости у кота закружилась голова. Его повело в сторону, и он едва не рухнул в горшок с суккулентами.

Пора было вмешаться. Сынянь видел, что дело принимает скверный оборот. Он поднял правую руку и слегка сжал пальцы — на кончиках промелькнул едва заметный изумрудный свет.

Тэн Бао мгновенно скользнул вперед, бережно подхватил пчел и перенес их к самому дальнему кусту гиацинтов. Там было полно сладкой пыльцы, которой должно было хватить, чтобы занять

их надолго.

Когда на террасе воцарился мир, Сынянь осмотрел «героев». Оба были ранены.

Чэньпи ужалили в подушечку передней лапы. Он жалобно вытянул обе лапы перед собой: правая теперь заметно превосходила левую по размеру. На ухе тоже вскочила шишка, скрытая кудрявой шерстью, отчего пес стал похож на гриб-мутант. Выглядело это донельзя комично.

У Доучжира распухла мордочка. Его изящная, точеная форма «V» превратилась в «U». Казалось, за щеку ему засунули целый грецкий орех. Неудивительно, что аристократичный кот был в такой ярости.

— Пфф... Ха-ха-ха! — юноша не выдержал и расхохотался.

Утреннее солнце заплясало в его янтарных глазах золотистыми искрами.

Отсмеявшись, он принялся за лечение. Особенно это было важно для питомца — в его почтенном возрасте пчелиный яд мог плохо сказаться на сердце. Рецепт был прост: по миске чистой воды, в которую он добавил пару капель своего секрета.

После Создания Основы тело Ань Сыняня преобразилось. В его жилах текла не просто кровь, а субстанция, насыщенная колоссальной жизненной силой. На Континенте Цзюи, согласно его «Искусству Превращения Духовной Энергии Иньского Дерева», это называли Истинной кровью дерева И. Одна её капля могла нейтрализовать сотни ядов, унять боль и мгновенно заживить раны. Именно её он недавно капнул в воду Лян Чэню.

По сути, он превратился в мобильную «аптечку» высшего разряда. Вот только по своей воле юноша делился этим даром крайне редко.

Спустившись вниз после утренних приключений, он застал Чжан Ли и Фан Юйтун за приготовлением завтрака.

Сынянь замедлил шаг. Фан Юйтун училась жарить яйца. Она действовала неуверенно, но с таким сосредоточенным видом, что её бледное лицо в лучах солнца казалось фарфоровым. Мать же старательно намазывала масло на золотистые тосты.

Рядом на тарелке уже лежал готовый тост с сыром и яйцом, распространяя аппетитный аромат.

Никакой спешки. Никаких подозрительных взглядов. Никакого гнета. Они действовали слаженно, перебрасываясь короткими фразами и улыбаясь друг другу. Молодой человек почувствовал облегчение — даже солнечный свет за окном показался ему более ласковым.

Человеческая душа — удивительная штука. Порой самые близкие люди могут годами твердить одно и то же, и не будут услышаны. Но случайное слово незнакомца или вовремя сделанное замечание, словно камень, брошенный в тихую воду, могут поднять волну, меняющую жизнь. Видимо, их «игра в доброго и злого полицейского» с Янь Чжэнем принесла свои плоды.

Вскоре пришло время прощаться. Мать и дочь спустились в холл с чемоданами. Юйтун выглядела растроганной, её глаза подозрительно блестели, а во взгляде читалась бесконечная благодарность.

Чжан Ли шагнула вперед и с такой силой сжала руки Сыняня, что тот почувствовал себя неловко. В её взгляде было столько тепла, сколько бывает только у любящих тетюшек.

— Хозяин Ань, спасибо вам огромное! Правда! Юйтун она... она... — голос женщины дрогнул. — Мы дома обязательно всё наладим. Спасибо вам!

Ань Сынянь, проживший несколько столетий, с трудом выносил такие эмоциональные сцены. Он вежливо высвободил руки, незаметно оставив маленькую крупицу духовной энергии в подарок девушке, и произнес дежурное:

—частливого пути, заезжайте еще.

Так закончилось это слишком искреннее прощание. Трудно передать то чувство неловкости, когда тебя благодарят со слезами на глазах за пару брошенных фраз. Он давно отвык от столь бурных проявлений чувств — ему это казалось нарушением личных границ.

На следующее утро

Тот, кто действительно хотел нарушить границы, сократил трехдневную поездку до полутора суток. На следующее утро «Мамонт», покрытый дорожной пылью, вернулся на свое место.

Ань Сынянь поднял взгляд от стойки. Из машины вышел Янь Чжэнь в черных тактических брюках. На лице его застыла усталость, но взгляд оставался острым. Он вытащил из кузова новенький розовый чемодан.

Дверь усадьбы гостеприимно открылась перед ним.

Хозяин Ань за стойкой встретил его своей обычной, мягкой, но отстраненной улыбкой. Он посмотрел на незнакомую девушку, стоявшую за спиной офицера, и спокойно спросил:

— Гостья? Или...

Его взгляд на миг задержался на незнакомке, прежде чем вернуться к напряженному лицу Янь Чжэня. Улыбка Ань Сыняня стала чуть заметнее, когда он произнес:

— ...Девушка?

Офицеру показалось, что в этом слове промелькнул лед. Его пальцы крепче сжали ручку чемодана.

— Нет. Скорее... сестра?

К сожалению, Янь Чжэнь, не сильный в тонкостях отношений, не знал, что «сестра» в таком контексте звучит ничуть не лучше. Хозяин Ань опустил веки и коротко бросил:

— О.

Всего одна буква, но от неё повеяло таким холодом, что у Янь Чжэня по спине пробежали мурашки. Он буквально почувствовал, как волоски на затылке встали дыбом.

Он уже открыл рот, чтобы объясниться, но тут подала голос Чжао Байлу, совершенно не понимающая, что происходит:

— Брат Янь, неужели та «отличная работа», о которой ты говорил, — это место администратора в этой гостинице?

Сынянь снова поднял глаза на гостью. Судя по всему, розовый чемодан принадлежал ей. Девушка была его ровесницей, со смуглой кожей, светящейся здоровьем, и длинной черной косой, доходящей почти до колен — редкость в наши дни. Её наряд — цветочная рубашка и матерчатые туфли — казался пришельцем из прошлого и совершенно не вязался с дорогим чемоданом.

Видимо, Янь Чжэнь купил ей чемодан по дороге. Но это не имело значения. «Место администратора»?

Значит, он просто привел кого-то с улицы и уже распределил рабочие места в его доме?

Ань Сынянь ледяным взглядом посмотрел на Янь Чжэня.